

— ... — Е Мянъ лишь промолчал.

Если говорить о том, кто больше всех радовался этой прогулке, то помимо четырех «только что выпущенных на волю» из двора Цинань, им определенно был Вэнь Сюнь. От начала улицы до самого конца он досконально знал, у какого уличного торговца самые ароматные свиные паровые булочки, в какой лавке подают самый настоящий творог на пару с сахаром, и где каштановые пирожные сладкие, но не приторные.

Пройдя по улице, Е Мянъ и остальные ничуть не удивились, а вот троица из двора Цинань была готова буквально пасть ниц перед Вэнь Сюнем от восхищения, что изрядно потешило его тщеславие.

Как говорится, нет такой беды, которую нельзя было бы исправить хорошим обедом, а если одного мало — помогут два.

В отдельном кабинете Башни Юйсянь жарко топились жаровни. Сытые до отвала юноши с округлившимися животами сидели кто как горазд, кто-то и вовсе полулежал; совершенно не заботясь о приличиях, они шумно сыто отдувались и попивали сливовый чай для улучшения пищеварения.

Молодежь долго обид не помнит: прежняя неловкость давно растаяла во время прогулки по улочкам и переулкам. К тому же Е Мянъ намеренно старался сблизиться с ними. Лица ребят раскраснелись от жара углей, они весело шутили и увлеченно болтали обо всем на свете.

Вечером в главном доме двора Баофэн ярко горели огни. Вымывшись, Е Мянъ остался в одних тонких нижних штанах и лениво растянулся на кровати, перелистывая неофициальные хроники и всякие занимательные истории. Несколько старших служанок и две служанки второго ранга плели декоративные узлы и весело болтали, а Е Мянъ время от времени вставлял свои замечания, отчего в комнате царило невероятное оживление.

Баосюэ сидела у края кровати, аккуратно нанося мазь от ушибов на спину и шею Е Мяня, а Баонянь, согрев в ладонях белую мазь из золоченой коробочки, медленно втирала её, массируя ему ноги и ступни.

Е Мянъ шмыгнул носом и, повернув голову, взглянул на баночку:

— Что это? Пахнет совсем не так, как раньше.

— Цветочный мед «Нефритовый лик», сегодня рано утром прислали от старшей молодой госпожи.

Уголок рта Е Мяня дернулся:

— То, чем моя невестка мажет лицо?

Баонянь с совершенно уверенным видом подтвердила:

— Да. Мне показалось, что мазь жидковата, поэтому я добавила немного козьего молока и цветочного меда, а потом заново её перетопила. Для зимы — самое то тело мазать.

Сидевшая рядом Баосюэ рассмеялась:

— Баонянь вечно обожает возиться со всякими притирками, и надо же — действительно

наловчилась. Теперь даже старшая молодая госпожа время от времени зовет её к себе расспросить о рецептах.

Баонянь самодовольно улыbnулась:

— Да что там говорить, за столько лет кожа Четвертого молодого господина под моим присмотром стала такой нежной — сомневаюсь, что хоть какая-нибудь молодая барышня с ним сравнится. Даже госпожа обещала меня наградить!

За ширмой Баохэ, игравшая со служанкой второго ранга в ниточку, рассмеялась:

— А мне больше всего нравятся благовония, которые ты составляешь. То, что Четвертый молодой господин на днях брал с собой на учебу — мой любимый аромат. Да только ты жадюга, ни капли мне не выделила!

Баонянь закатила глаза в сторону ширмы:

— Да что ты понимаешь? Хорошие благовония создаются для одного-единственного человека. Если от всех будет пахнуть одинаково, даже самый изысканный аромат станет пошлым. Я и то была не рада, когда Четвертый молодой господин взял их с собой в академию. Всё боялась, что у них во дворе одежда каждого встречного пропитается этим запахом, и моя драгоценность пропадет зря.

— Зачем же ты тогда мне их отдала? — спросил её Е Мянью.

Баонянь вздохнула:

— В академию нам вход закрыт. А тот мальчик так старается ради вас, разве я могла обидеть его из-за каких-то благовоний? Через несколько дней я потихоньку подберу для вас другой аромат.

В тот день на уроке живописи Е Мянью закончил рисовать иволгу, как велел учитель. Делать было нечего, и он отрезал еще один кусок бумаги Сюэлан, взял тонкую кисть для прорисовки деталей и принялся тщательно выводить контуры на листе. Затем он обмакнул кисть «крабий коготь» в гуммигут и горную синь и начал раскрашивать рисунок.

Вскоре на бумаге появился надутый иглобрюх с раздутыми щеками и вытаращенными глазами.

Е Мянью тихонько посмеялся про себя, прижал личную печать в правом нижнем углу и, когда краска высохла, тайно подозвал слугу-посыльного, велел отнести рисунок Лу Личжэну во Двор Цинань.

Мальчишка в последнее время так и лип к нему. Стоило один раз помочь ему прогулять занятия, как тот только и думал о следующем разе. При встрече он готов был буквально повиснуть на Е Мянью, канюча о новой вылазке. Да только Е Мянью за прошлый дерзкий побег с уроков Главный надзиратель Цзя отчитал так, что мало не показалось, поэтому лезть на рожон в эти дни он не решался. Приходилось каждый день отправлять мальчишке всякие вкусности и забавные безделушки.

Колокол на полуденный отдых пробил трижды. Е Мянью потянулся, размял шею и принялся убирать бумагу, кисти и краски.

Тем временем Ли Чжао уже вынес свое теплое пальто из обогреваемой комнаты. Натягивая его

на ходу, он торопил:

— Да брось ты, пусть потом слуга приберет. Идем скорее в столовую!

— Что это ты сегодня торопишься пуще Сюнь-гэра? — зевая, спросил Е Мянъ.

Ли Чжао, не останавливаясь, продолжал застегиваться:

— Надо поесть побыстрее и пойти развлечься на льду. Я слышал от Ци Е, что Управление делами заказало санки нового образца. Надо успеть взять их пораньше, пока другие дворы всё не расхватали.

Во Дворе Цижуй на вторую половину дня было запланировано катание на льду — любимое занятие здешних учеников. Это был особый «урок», проводимый только в Императорской академии Гоцзысюэ. Всё началось с того, что императорская семья каждую зиму устраивала ледовые представления. Со временем молодым принцам, принцессам и наложницам тоже захотелось обуть ледовые коньки и прокатиться. Видя их веселье, Император приходил в благодушное настроение и приглашал юных отпрысков знатных родов развлечься вместе с ними. Впоследствии это превратилось в традиционную зимнюю забаву для детей знати.

Е Мянъ даже пообедать толком не успел, как нетерпеливые приятели уволокли его на каток. Каток устроили прямо на замерзшем Озере Вэйху на территории Императорской академии Гоцзысюэ. Снежные стены разделяли его на две круговые дорожки. Лед отполировали до такой степени, что даже муха, приземлившись, разъехалась бы на шпагат.

Полозья коньков представляли собой два деревянных бруска, к которым снизу крепились узкие железные пластины, напоминающие кресала. Они были куда устойчивее современных лезвий коньков. Е Мянъ без труда скользил спиной вперед и время от времени даже красовался, выделявая ласточку.

На занятиях по катанию на льду собиралось сразу несколько дворов, так что Двор Цихоу и Двор Цилян тоже были на катке.

Сделав пару кругов сам по себе, а потом шумно сыграв с ребятами два раунда в ледовое поло, Е Мянъ взмок от пота. Опершись на снежную стену внешнего круга, он тяжело дышал и, подняв глаза, заметил стоящий у самого берега учебный класс двора Цинань.

Е Мянъ пригнулся и заскользил в ту сторону.

По озеру можно было обойти учебный класс двора Цинань с южной стороны. Поднявшись на мостик у берега, Е Мянъ подошел к стене здания, отсчитал оконные рамы, отыскав то место, где, насколько он помнил, стоял стол Лу Личжэна, и негромко постучал два раза: тук-тук.

Окно не распахнулось сразу же, как бывало обычно.

Он постучал снова. Изнутри донесся какой-то шорох, но створка по-прежнему не открывалась.

Неужели рассердился из-за рисунка, который ему прислали утром? Е Мянъ мысленно усмехнулся: «Такой обидчивый — вылитый иглобрюх».

То, чем его встретили, ничуть не смутило Е Мянъ.

Раз сердится — надо просто задобрить.

В конце концов, парни порой ничем не отличаются от девчонок и падки на те же уловки.

Е Мянъ откашлялся и негромко позвал:

— Малыш, открой окно.

Шорох внутри мгновенно затих.

— Ты же говорил в прошлый раз, что хочешь покататься? Братишка тебя сводит, — прошептал Е Мянъ одними губами. — Прямо сейчас отпросись у помощника учителя под предлогом, что тебе нужно выйти. Сделаем пару кругов и вернемся, никто и не заметит.

Но окно перед ним так и не шелохнулось. Е Мянъ уже начал недоумевать, как вдруг соседняя рама со скрипом распахнулась изнутри. В проеме показалось пунцовое, красивое личико Лу Личжэна. Мальчик смотрел на него с таким выражением лица, будто у него случился жестокий запор.

Е Мянъ ошарашенно перевел взгляд на Лу Личжэна в соседнем окне, затем снова посмотрел на закрытую створку перед собой. Не успел он сообразить, что происходит, как окно перед ним с грохотом распахнулось наружу, едва не разmozжив опешившему Е Мяню нос.

— Твою мать! — ругнулся Е Мянъ. Стоя на коньках, он неуклюже взмахнул руками в воздухе, пытаясь удержать равновесие, и лишь с трудом устоял на ногах. Потирая ушибленный нос, он с яростью задрал голову.

Человек в окне смотрел на него сверху вниз с ледяным равнодушием. И в этот миг, когда их взгляды встретились, Е Мяню вдруг показалось, что обычный и ничем не примечательный учебный класс двора Цинань озарился ослепительным светом.

Он не сдержался и мысленно выругался: «Твою мать, к нам что, очередной небожитель с небес спустился?»

«Небожитель» у окна приоткрыл тонкие губы и беззвучно произнес одно-единственное слово:

— Проваливай.

Лу Личжэн с глубоким разочарованием провожал глазами удаляющуюся по льду фигуру Е Мяня. Тот еще не успел доехать до снежной стены, как его уже окружили приятели и утащили играть в стрельбу из лука на ходу. Стрелял Е Мянъ из рук вон плохо, но промахи его ничуть не расстраивали: он сидел прямо на льду и залиvisto хохотал, пока остальные в шутку осыпали его снегом.

У доски Доктор Сюэ монотонно бубнил урок, покачивая головой, но Лу Личжэн не услышал ни единого слова. Всю вторую половину дня он то и дело украдкой заглядывал в приоткрытую оконную щель. Там, на льду, было так весело и шумно! И среди всей этой суеты он без труда находил взглядом Е Мяня — тот, вокруг кого всегда толпился народ, определенно был им.